

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 10
volume 10**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2002**

О СЕМАНТИКЕ СЛОВА *АЛА* В ЭПОСЕ «ДЕДЕ КОРКУТ»

А. П. Векилов

Санкт-Петербургский государственный университет

Замечательный средневековый эпос «Книга моего деда Коркута на языке племени огузов» («Деде Коркут») до наших дней сохранился в двух рукописях — дрезденской и ватиканской. Ватиканская неполная, содержит лишь 6 дастанов из двенадцати, а дрезденская — полная и к тому же, как пишет известный исследователь этого эпоса М. Эргин, «с точки зрения грамотности письма и орфографии дрезденская рукопись представляет собой хороший экземпляр» (9, с. XIII).

Над дрезденской рукописью, ее научным изучением и переводом эпоса на русский язык со студенческих лет (с 1891 г.) до конца жизни трудился академик В. В. Бартольд. На протяжении десяти лет — с 1894 до 1904 г. — он опубликовал тексты в арабской графике I, II, III и V дастанов с их переводом на русский язык в «Записках Восточного отделения Русского археологического общества» (Т. VIII. СПб., 1894. С. 203—218; Т. IX. 1899. С. 175—193; Т. XII. 1900. С. 037—059; Т. XV. 1904. С. 1—38). Перевод всего эпоса В. В. Бартольд завершил к 1922 г. Однако в те годы он не был опубликован. Рукопись перевода после смерти В. В. Бартольда (1930 г.) пролежала в Архиве АН СССР в Ленинграде еще двадцать лет.

Благодаря стараниям профессоров Г. М. Араслы и М. А. Тахмасиба перевод В. В. Бартольда всего эпоса «Деде Коркут» впервые был опубликован в 1950 г. в г. Баку. Книга была снабжена примечаниями и дополнениями к переводу (2, с. 159—203).

В 1962 г. Академики В. М. Жирмунский и А. Н. Кононов в серии «Литературные памятники» повторно издали эпос «Деде Коркут» в переводе В. В. Бартольда. В книгу были включены статьи, посвященные изучению памятника, и «Примечания к переводу» (3, с. 259—280), составленные А. Н. Кононовым.

В этих двух книгах текст перевода В. В. Бартольда был сохранен без изменений. Г. М. Араслы и М. А. Тахмасиб во вступительном слове к книге писали, что «перевод В. В. Бартольда по своему качеству является наилучшим из существующих на различных языках переводов... учитывая научное и историческое значение труда крупнейшего русского ученого, текст перевода публикуется без изменения» (2, с. 6). Таким же образом поступили В. М. Жирмунский и А. Н. Кононов — перевод В. В. Бартольда оставили неприкосновенным, так как считали, что «выдающиеся художественные достоинства (перевода. — А. В.)

исключали возможность редакционной правки и уточнения по мелочам» (3, с. 7). Перевод В. В. Бартольда был высоко оценен и другими востоковедами. Так, например, чл.-кор. АН СССР А. Ю. Якубовский писал: «Переводы В. В. Бартольда обладают не только научными, но и художественными достоинствами. В. В. Бартольду удалось так перевести этот памятник народного творчества, что даже самый искушенный и строгий читатель получит подлинное наслаждение и почувствует аромат кочевой жизни и кочевого быта» (3, с. 121).

Между тем работавший над своим переводом в течение многих лет В. В. Бартольд в опубликованном только частично «Введении к переводу "Книги Коркута"» счел нужным оговорить, что «настоящий перевод, конечно, не может считаться окончательным; прогресс тюркологии, как в смысле открытия нового материала, так и в смысле более полного и тщательного изучения старого, несомненно даст повод ученым еще не раз возвращаться к памятнику такого исключительного значения, как "Коркут"» (3, с. 6).

И естественно, издатели «Деде Коркута» 1950 и 1962 гг., о которых речь шла выше, к русскому переводу В. В. Бартольда предложили множество уточнений и поправок. А. Н. Кононов в «Примечаниях» (3, с. 259—280) учел комментарии к переводу самого В. В. Бартольда (рукопись хранится в Архиве РАН в Санкт-Петербурге; ф. 68, оп. 1, № 183, «Введение», л. 1—49), «Примечания» Г. М. Араслы и М. А. Тахмасиба (2, с. 159—203) и работы О. Ш. Гекайя, М. Эргина, Э. Росси и других тюркологов, внесших коррективы к чтению текста эпоса и исправления явных искажений и описок рукописи (см.: 3, с. 281—285).

В. М. Жирмунский и А. Н. Кононов справедливо считали (и в настоящее время, спустя 40 лет, можно согласиться с ними), что «заменить перевод В. В. Бартольда другим переводом нет оснований, но внести в него поправки, которые теперь можно сделать, опираясь на достижения тюркологии и результаты, добытые многочисленными исследованиями этого замечательного памятника, совершенно необходимо» (3, с. 6—7).

Моя поправка к русскому переводу касается только одного слова, а именно *ala*, часто употребляемого в эпосе «Деде Коркут».

Слово *ala* было предметом внимания А. Н. Кононова в его известной статье «Семантика цветообозначений в тюркских языках» (4). Андрей Николаевич писал о полисемантности слова *ala* в тюркских языках, где оно «широко используется как компонент-детерминатив в сложных словах, обозначающих представителей животного и растительного мира, а также географические названия» (4, с. 178). Эти отмеченные А. Н. Кононовым особенности слова *ala* в полной мере проявляются и в эпосе «Деде Коркут».

Ala в качестве определения к целому ряду существительных в тексте эпоса встречается 93 раза (9, с. 11). В дрезденской и ватиканской рукописях (в арабской графике) оно начертано в двух вариантах — اﻻ , اﻻ и всюду без мадды. В данном случае эти начертания в тексте «Деде Коркут» ни фонетически, ни семантически друг от друга не от-

личаются и представляют собой случаи, часто встречающиеся в тюркских рукописных памятниках как проявление орфографической непоследовательности.

Поправки к переводу на русский язык сложных слов с определительным компонентом *ala* по семантическим признакам можно разделить на 4 группы:

1-я — *ala*, обозначающее масть, окраску шерсти животных и перьев птиц, пестроту шатров и украшение предметов вооружения;

2-я — *ala* как типологическое определение гор и ороним;

3-я — *ala* в функции определения цвета глаз человека;

4-я — *ala* как определение поведенческих особенностей человека и некоторые частичные значения этого слова.

1-я группа. Слово «*ala*», его производные (*alaca*, *alacık*) и определительные словосочетания с его участием отмечены во многих тюркско-русских, тюркских толковых и диалектальных словарях с широким диапазоном значений. Применительно к группе слов первого раздела в словарях приведены следующие значения: разноцветный, пестрый, пятнистый, пегий, полосатый, сизый, серый и различные сочетания этих слов — серо-бурый, темно-серый, серо-пегий, черно-пестрый, соврасо-пегий и т. д. В тексте эпоса слово *ala* в качестве определения употребляется по отношению к животным и птицам: *geyik* (200.3)¹ — олень, *köpek* (184.5) — собака, *kaz* (187.8) — гусь, *yılan* (168.1) — змея; к словам, обозначающим жилище: *çadır* (14.4) — шатер, *sayvan* (235.6) — навес от солнца, *gerdek* (189.11) — шатер для новобрачных; предметы домашнего обихода: *kalı* (36.4) — ковер, *yorgan* (198.4) — одеяло; предметы вооружения: *-oğ* (242.10) — стрела, *kalқан* (133.11) — щит, *gönder* (302.10) — пика. В. В. Бартольд в переводе на русский язык ко всем перечисленным существительным избрал прилагательное «пестрый». Подобное повторение одного и того же слова, конечно, снижает художественно-выразительные возможности русского перевода. Но принимая во внимание высокое художественное достоинство перевода и его безукоризненный стиль, можно допустить, что В. В. Бартольд преднамеренно выбрал одно слово «пестрый» для того, чтобы в своем переводе сохранить стиль оригинала, где слово *ala* как определение употреблено ко всем перечисленным выше существительным.

Безусловно, прилагательное «пестрый» в русском переводе в отдельных случаях весьма удачно передает смысл *ala*. Но, к сожалению, это не во всех случаях так. Поэтому, пользуясь материалами, которые предлагают современные словари тюркских языков, можно подобрать другие синонимичные слова, адекватно передающие значение слова *ala* и сочетающиеся с определяемым в каждом конкретном случае. Не претендуя на окончательный вариант, можно, например, предложить сле-

¹ Здесь и далее после примеров из эпоса в скобках приведены: первая цифра — страница дрезденской рукописи, цифра после точки — номер строки по факсимильному изданию М. Эргина (8, с. 1—154). Транскрипция примеров латинскими буквами тоже дана по этой книге, раздел «Metin» (8, с. 71—251).

дующие определения к примерам, взятым из текста эпоса: пятнистый олень, пестрая собака, серый гусь (см., например: *ала карга* — серая ворона; 6, т. 1, с. 351), полосатая змея, разноцветный шатер, навес из ярких тканей, разукрашенный шатер для новобрачных, яркий ковер, пестрое одеяло, стрела, раскрашенная полосками, разрисованный щит, пика, украшенная насечкой (3, с. 262, примеч. 23) и т. д.

2-я группа. Словосочетание *ala tağ* (20.6, 76.2, 181.7, 200.6, 240.6 и др.) в тексте эпоса встречается 18 раз. Это же определительное словосочетание известно и в современных тюркских языках: казахском (*алатау*), азербайджанском, туркменском, турецком (*аладаг*), киргизском (*алатоо*), узбекском (*олатог*) и т. д. Это сложное слово с дериватами как в современных тюркских языках, так и в эпосе «Деде Коркут» выступает в двух значениях. Во-первых, как «термин, имеющий типологическое значение, и обозначает горы с вечно снежным покровом или высотной поясностью. Высокогорная зона таких хребтов отличается пестротой» (5, с. 46), т. е. *ala tağ* на русский язык можно перевести, как предлагал А. Н. Кононов, «снеговая гора, гора, покрытая снегом» (3, с. 262, примеч. 23), можно перевести и как «высокая гора» (в азербайджанском языке высокие ворота во двор дома называются *ала капы*; см.: 1, т. 1, с. 83). Во-вторых, иногда типологический термин «аладаг» переходит в название горы. «На картах Средней Азии такие названия можно встретить очень часто» (5, с. 47), горы Аладаг имеются на востоке Турции и в Синьцзяне.

В переводе В. В. Бартольда во всех случаях словосочетание *ala tağ* переведено как «пестрая гора». В противоположность В. В. Бартольду М. Эргин, издавший текст «Деде Коркут» в транскрипции латинскими буквами, принял другую крайность — за исключением трех случаев (20.6, 240.6, 241.9), все остальные случаи, на мой взгляд — недостаточно обоснованно, транскрибировал с прописными буквами как название определенной горы.

3-я группа. Слово *ala* в качестве определения цвета глаз персонажей (*ala gözlü*) эпоса в тексте «Деде Коркут» употреблено 32 раза. Во всех случаях В. В. Бартольд словосочетание *ala gözlü* перевел как «светлоокий», «светлые очи» и «светлые глаза».

Понятие «светлоокий» («светлые очи», «светлые глаза») в русской речевой культуре воспринимается как глаза не темные, т. е. светлые серые и светлые голубые.

Были ли глаза персонажей эпоса «Деде Коркут» светлыми? Ответ на этот вопрос следует искать в двух аспектах — антропологическом и лингвистическом.

Тюркология не располагает источниками, описывающими внешние особенности древних огузов. Однако мы можем прибегнуть к косвенным источникам в поисках ответа на наш вопрос.

Известно, что длительное время компактно живущие этносы надолго сохраняют антропологические особенности своих предков. Следовательно, следы этнических признаков древних огузов, в среде которых сложился эпос «Деде Коркут», можно обнаружить у современных азер-

байджанцев, туркмен и турок, отпочковавшихся от древних огузов в X—XI вв. Важным свидетельством родства этих народов является близость грамматического строя их языков (огузская группа языков), близки и антропологические признаки их, которые проявляются в цвете глаз и в цвете волос. У подавляющего большинства представителей этих народов глаза черные или карие, волосы прямые, черные или каштановые. Так, например, антрополог Л. В. Ошанин, тщательно обследовавший туркмен в 1952—1953 гг., приводит следующие данные о цвете их глаз: среди мужчин темноглазые составляют 88,38 %, среди женщин — 90 % (12, с. 144, табл. 75; с. 181, табл. 115). Об этих же признаках у турок, наиболее отдаленной на запад ветви огузов, пишет профессор Д. Е. Еремеев: «Для турок... характерна сильная пигментация — черные или карие глаза, черные или каштановые волосы» (13, с. 223).

Гипотетический вывод о том, что у персонажей эпоса «Деде Коркут» глаза были карими или черными, можно подкрепить еще и данными лексики.

В турецких живых диалектах, в которых, как известно, сохранились до наших дней многие архаичные элементы средневекового языка, имеются важные сведения о значении слова *ala*. В турецком много-томном диалектальном словаре в гнезде слова *ala* под вторым и третьим значениями приведены следующие толкования: «2. Kahverengi ile kırmızı arası bir renk. 3. Açık kahve rengi, elâ (göz hakkında)» (11, с. 167) («2. Цвет средний между кофейным и красным. 3. Бледно-кофейный цвет, карий (о глазах)»). Это же значение перекочевало с пометой «народно-просторечный» в современный турецкий толковый словарь: «2. Açık kestane renginde olan, elâ (göz)» (10, с. 43) («Что-либо бледно каштанового цвета, карий (о глазах)»). Отсюда можно сделать вывод, что частично *ala gözlü* следует переводить на русский язык как «кареглазый». (Частично потому, что эпитет *ala gözlü* в другом контексте имеет иное значение. Об этом см. ниже.) Выбор определяется контекстом повествования. Если данный эпитет употребляется для подчеркивания привлекательности, красоты девушек и удалой молодости юношей, эпитет «кареглазый», имеющий еще и оттенок ласкательности, здесь более уместен. Например: «Ala gözlü oğluna al duvahlu gelin aldı» (252.13—253.1) («Взял для своего кареглазого сына невесту с алым покрывалом на лице»); «Ag yüzlü ala gözlü kızlar» (32. 12—13) («Белолицые, кареглазые девушки»). «Ala gözlü biglerle yedim içdim» (239.12—13) («Я ел и пил с кареглазыми беками»). Подобные сцены в эпосе встречаются около 10 раз.

4-я группа. Когда на страницах эпоса описываются сцены битвы дружинников с неверными или сцены большой охоты, в которых принимает участие значительное число воинов во главе с их беками-предводителями, значение эпитета *ala gözlü* меняется существенным образом. Обратимся к примерам из эпоса: «Kırk ala gözlü yigidin Uruz boyuna aldı» (126.9). В. В. Бартольд перевел так: «Сорок светлооких джигитов взял с собой Уруз» (3, с. 50). О сорока дружинниках в эпосе го-

ворится еще 2 раза (131.7, 141.6—7), во многих случаях о боевых дружинниках говорится во множественном числе (186.7, 208.2, 239.1—2, 241.10 и др.). Еще два примера: «Ala gözlü yigitlerüm kırdırmadım» (242.1) («Своим светлооким джигитам не дал погибнуть») (3, с. 85), «Ala gözlü üç yüz yigidün mana virgil» (246.3—4) («Дай мне своих триста светлооких джигитов») (3, с. 87).

Очевидно, что в приведенных примерах не о цвете глаз речь идет, а говорится о воинских достоинствах дружинников, их храбрости, их отваге.

На значение *ala gözlü* «храбрый», «отважный» обратил внимание А. Н. Кононов в процитированной выше статье «Семантика цветообозначений...» В разделе о семантике прилагательного *ala* Андрей Николаевич приводит сведения об *alagöz* из упомянутого выше турецкого диалектального словаря в значении «храбрый» и дополняет, что «словосочетание "ala gözlü" встречается в "Китаб-и Дедем Коркут"» (4, с. 178). В диалектальном словаре в гнезде «Alagöz» в первом значении приведены слова «Cesur, yigit» (11, с. 187) — «храбрый», «отважный». Таким образом, в приведенных и других подобных примерах определительную группу *ala gözlü yigit* на русский язык следует перевести как «храбрый (отважный) дружинник».

Слово *ala* в эпосе употреблено еще в двух местах, и в каждом из них в разном значении. Первый случай, где *ala* фигурирует как прилагательное к слову *leşker* «войско» во фразе «Ala taga ala leşker ava çıkdı» (37.13). В. В. Бартольд это прилагательное перевел как «пестрый». А. Н. Кононов в «Примечаниях к переводу», исходя из значения слова *ala* в якутском языке («бросающийся в глаза», «отменный», «явный»; 14, стлб. 62), предложил перевод в следующей редакции: «На снежную гору поднялось отборное войско на охоту» (3, с. 262, примеч. 23). Перевод Андрея Николаевича подкрепляется еще и значением слова *ala* в киргизском языке: «видный», «солидный», «недюжинный» (7, с. 44).

Второй случай касается слова *ala* во фразе «Dan dansuñ ala yañşı agtağanlar aldılar» (69.12). В этом предложении слово *ala* стоит перед качественным прилагательным *yañşı* («хороший») в усилительной функции, следовательно, фразу можно перевести так: «Они купили весьма редкие, очень хорошие подарки».

В указателе к тексту «Деде Коркута» М. Эргин приводит еще 7 случаев употребления в эпосе слова *ala* (9, с. 11). Несмотря на сходство в написании и звучании этих семи случаев *ala* в значении «пестрый», «разноцветный» и т. д., они между собой ни генетически, ни функционально не связаны. В упомянутых случаях (55.13—56.1, 56.1, 124.12—13, 125.1, 125.3, 138.2—3, 149.3) *ala* состоит из ныне не употребляемого в современных огузских литературных языках, но отмеченного в турецком диалектальном словаре слова *al — ön, ön taraf* (11, с. 166) «перед», «передняя сторона», оформленного аффиксом дательного падежа *-a*. В тексте эпоса это слово употреблено в качестве послелого-имени, уточняющего направление действия глагола — вперед. Один пример: «Kar-

şum ala bakdugumda seni gördüm» (125.3) («Как посмотрел перед собой, тебя увидел») (З, с. 49). По синтаксической структуре остальные фразы очень близки к приведенному примеру. Следовательно в указателе к тексту «Деде Коркута» этот послелог-имя в дательном падеже *ala* надо было подать как словарное слово *al* без аффикса, но не как *ala*.

Проблемы исправления и дополнения к переводу на русский язык уникального памятника огузского фольклора «Китаб-и дедем Коркут» — важная и актуальная задача наших тюркологов. За долгие годы к переводу на русский язык этого памятника предложено много замечаний. Достаточно сказать, что число исправлений и примечаний к переводу, которые опубликовали А. Н. Кононов, Г. М. Араслы и М. А. Тахмасиб, достигает тысячи. Замечания к переводу высказывали и другие тюркологи. Все они заслуживают внимания. Конечно, среди них имеются спорные, но есть и такие, которые следует принять без оговорок. Тюркологу, который займется подготовкой к изданию исправленного и дополненного перевода В. В. Бартольда «Деде Коркут», не обойтись без изучения исследований в этой области ученых других стран, в первую очередь России, Турции, Азербайджана.

Литература

1. Толковый словарь азербайджанского языка. Т. 1 / Сост. А. А. Оруджов. Баку, 1966 (на азербайдж. яз.).
2. Деде Коркут / Пер. В. В. Бартольда; Подгот. к печ. Гамид Араслы и М. Г. Тахмасиб. Баку, 1950.
3. Книга моего деда Коркута: Огузский героический эпос / Пер. акад. В. В. Бартольда; Изд. подгот. В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов. М.; Л., 1962.
4. Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978.
5. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
6. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1. СПб., 1893.
7. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
8. Ergin Muharrem. Dede Korkut Kitabı. Cilt 1: Giriş. Metin. Faksimeler. 2: Baskı. Ankara, 1989.
9. Ergin Muharrem. Dede Korkut Kitabı. Cilt 11: İndeks. Gramer. Ankara, 1963.
10. Türkçe Sözlük. Cilt 1: Yenibaskı. Ankara, 1988.
11. Türkiye'de Halk Ağzından Derleme Sözlüğü. Cilt 1: A. Ankara, 1963.
12. Ошанин Л. В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народа. Ч. 3. Ереван, 1959.
13. Еремеев Д. Е. Этногенез турок. М., 1971.
14. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. М., 1958.